

Шарипова Любава Павловна

АРХЕТИПИЧЕСКИЙ МОТИВ ОДЕРЖИМОСТИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII-XIX ВВ.

Статья посвящена изучению архетипического мотива одержимости в русской поэзии XVIII-XIX вв. Основной задачей исследования становится попытка определить место мотива одержимости в философско-историческом контексте указанного периода, проследить его эволюцию и, основываясь на результатах литературоведческого анализа творчества представителей различных направлений, изучить и классифицировать способы реализации мотива одержимости в русской поэзии XVIII-XIX вв.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/9-2/57.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39): в 2-х ч. Ч. II. С. 204-207. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

ANTHROPOLOGICAL APPROACH TO THE STUDIES OF ECOLOGICAL TERMINOLOGY

Chernikova Elena Olegovna

Moscow State University of Railway Engineering (MIIT)
elenach328@mail.ru

The article is devoted to the specifics of forming the units of special ecological vocabulary in the light of anthropolinguistics. On the basis of the Russian and English languages the paper for the first time presented a comparative analysis of the basic ecological terms from the viewpoint of a new linguistic discipline – anthropolinguistics. The author identified the basic means of nomination of the fundamental ecological conceptions in the Russian and English languages. Summarizing the results the researcher concludes that the fundamental ecological conceptions in the investigated languages are nominated either by specialization of meaning of the already existing words or by borrowing the words from the other language.

Key words and phrases: anthropolinguistics; ecological terminology; comparative analysis; basic term; means of nomination; borrowing; specialization.

УДК 821.161.1; 82-1

Филологические науки

Статья посвящена изучению архетипического мотива одержимости в русской поэзии XVIII-XIX вв. Основной задачей исследования становится попытка определить место мотива одержимости в философско-историческом контексте указанного периода, проследить его эволюцию и, основываясь на результатах литературоведческого анализа творчества представителей различных направлений, изучить и классифицировать способы реализации мотива одержимости в русской поэзии XVIII-XIX вв.

Ключевые слова и фразы: архетипический мотив одержимости; мистическая одержимость; одержимость идей; одержимость любовной страстью; поэзия классицизма; поэзия сентиментализма; поэзия романтизма; поэзия реализма.

Шарипова Любава ПавловнаКазанский (Приволжский) федеральный университет
luxetnoh@list.ru**АРХЕТИПИЧЕСКИЙ МОТИВ ОДЕРЖИМОСТИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII-XIX ВВ. ©**

Феномен одержимости, являясь одним из древнейших культурных архетипов, прежде всего, характеризуется именно общечеловеческой значимостью и только потом, реализуясь в отдельных культурах, впитывает в себя черты определенной народности. Универсальный характер данного явления легко реконструируется уже по фактам мифологии, фольклора и религиозных доктрин.

В общем смысле одержимость – это частичное или полное подчинение разума человека какому-либо существу или явлению.

Постепенно от мистико-религиозного понимания одержимости демонами человечество приходит к ее обыденному, бытовому воплощению – одержимости любовной страстью и одержимости идей. Эти два основных способа реконструирования феномена одержимости в сфере человеческой культуры будут сопутствовать данному явлению на протяжении всей его эволюции.

Как и любой другой культурный архетип, одержимость напрямую связана не только с устойчивыми характеристиками мышления, но и с его трансформацией. Как следствие, социокультурный статус феномена одержимости в равной степени обусловлен и сложившимися в определенной местности культурными традициями, и характером отношения общества к проявлению этого состояния сознания в данный промежуток времени.

Вполне объяснимо, что именно сфера художественной литературы наиболее полно отражает эволюцию архетипического мотива одержимости, первой реагируя на изменения его культурного статуса в условиях российской действительности.

Барокко и классицизм привнесли в русскую литературу новое философское понимание человека и окружающего его мира, что особенно выразилось в барочной иллюзорности бытия, классицистическом рационализме и эталонности, что объясняет редкость выявления архетипического мотива одержимости в русской литературе данного периода.

Стремление к логичности, прямолинейности и подчеркнутой объективности повествования в художественном творчестве делает невозможным изображение мистической одержимости, тогда как культ разума отрицает любое проявление бурных и неуправляемых эмоций у человека.

Как следствие, мотив одержимости только начинает обозначаться в искусстве классицизма, и мы встречаем единичные образцы архетипического мотива любовной одержимости в поэтических текстах отдельных авторов.

Так, например, в стихотворении Г. Р. Державина «Разлука» нам предстает описание страстной любви, при которой «...нету силы, нету мочи // Отделиться...» от предмета обожания [5, с. 79].

Подобную картину мы наблюдаем и в стихотворениях В. К. Тредиаковского «Она есть мучения в любви враг смертельный...»: лирический герой предпочитает скорее умереть, ведомый чувством к возлюбленной, чем «лишиться ее всей приязни» [14, с. 110] и продолжать жить.

В другом его стихотворении «Ныне уже надлежит, увы! мне умереть...» герой, разлученный с любимой, утратил радость жизни. Все, что ему осталось теперь, – «...раскаянье, скука, печаль и напасти» [Там же, с. 109].

В стихотворении А. Н. Радищева «Песня» герой испытывает болезненное, мучительное чувство: «Ужасный в сердце ад, // Любовь меня терзает; // Твой взгляд // Для сердца лютый яд...» [12, с. 131].

Итак, перед нами еще не мотив любовной одержимости в строгом смысле, но уже первые шаги к нему.

В общественной жизни России феномен одержимости закрепляется с приходом в русскую жизнь философии сентиментализма и романтизма.

Выступавшие против классицистической прямолинейности оба этих направления отличались крайним субъективизмом и стремлением к индивидуализации мировосприятия. Душевные волнения лирического героя выходят в произведении на первый план, открывая нишу для формирования мотива любовной одержимости как такового.

Так, в центре стихотворения В. В. Капниста «Мне сказали: жизни радость...» – переживания лирической героини, которая в своей любви находит лишь «лютый ад» [7, с. 247].

В стихотворении Н. Карамзина «Прости» нам предстает безответная любовь – мука. Герою, лишенному надежды на ответное чувство, остается только «желать конца» [8, с. 112].

Подобную картину одержимости любовной страсти мы встречаем и в стихотворении Н. Карамзина «Странность любви, или бессонница». Любовная одержимость здесь проявляется через неоднозначность отношения героя к своей возлюбленной: «...Кто для сердца всех страшнее? // Кто на свете всех милее? // Знаю: милая моя!...» [Там же, с. 124].

Более цельно и многогранно раскрывается архетипический мотив одержимости в творчестве представителей романтизма, с присущими ему крайним мистицизмом, культом интуитивного познания действительности и частыми апелляциями к мифологии и фольклору.

В творчестве поэтов-романтиков особенно широко представлен мотив одержимости любовной страстью.

Например, в стихотворении Жуковского «Новая любовь – новая жизнь» лирический герой не испытывает желания уйти от мучительной для него любви-неволи: «...И бежать очарованья // Нет ни силы, ни желанья! // Рад тоске! хочу любить!.. // Видно, сердце, так и быть!...» [6, с. 298].

Противоречивость и губительность чувства любовной одержимости показывает Е. А. Боратынский в своем стихотворении «Любовь»: «...Огонь любви, огонь живительный, // – Все говорят, – но что мы зрим? // Опустошает, разрушительный, // Он душу, объаую им!...» [1, с. 83].

В стихотворении А. Кольцова «Глаза» любовная одержимость – это, прежде всего, «роковое», губительное чувство: «Погубили меня // Твои черны глаза...» [9, с. 82].

В романтической интерпретации мотив любовной одержимости нередко связан с мотивами болезни, безумия, сумасшествия.

Так, стихотворный цикл «Борьба» А. Григорьева в деталях раскрывает нам картину любовной одержимости во всей свойственной ей двойственности, мучительности, неистовости. В стихотворении «Я измучен, истерзан тоскою...» (Борьба 2) сам герой осознает, что его чувство близко к безумию: «Есть минуты, что я не умею // Скрыть безумия страсти своей...» [4, с. 121].

В другом стихотворении цикла «Я вас люблю... что делать – виноват!...» (Борьба 3) страсть оборачивается для влюбленного настоящей неволей: «А между тем, как зверь, попавший в сети, // Я тщетно злосю на крепость уз своих» [Там же, с. 122]. Но, несмотря на болезненность такой любви-зависимости, он не хочет и не может отступить от чувств: «Я к ним привык, к мучительным свиданьям // ...Я опиум готов, как турок, пить...» [Там же].

В стихотворении А. С. Пушкина «Признание» лирический герой сам осознает неправильность, болезненность своей любви: «...Но узнаю по всем приметам // Болезнь любви в душе моей...» [11, с. 147].

В стихотворении М. Лермонтова «Я счастлив! – тайный яд течет в моей крови...» любовная одержимость напрямую сравнивается со смертельной болезнью: «Жестокая болезнь мне смертью угрожает!...» [10, с. 123].

В стихотворении «К ***» («Я не унижусь пред тобою») акцентируется болезненность, безумность чувства героя: «...Я был готов на смерть и муку // И целый мир на битву звать, // Чтобы твою младую руку – // Безумец! – лишний раз пожать!...» [Там же, с. 125].

В творчестве представителей школы «чистой поэзии» мотив любовной одержимости чаще всего связан с мотивами муки, боли, смерти.

Так, в стихотворении Ф. Тютчева «Не говори: меня он, как и прежде, любит...» лирическая героиня так описывает свои отношения с любимым: «Им, им одним живу я – // Но эта жизнь!.. о, как горька она! // Он мерит воздух мне так бережно и скудно, // Не мерят так и лютому врагу...» [15, с. 52].

О губительной роковой любви, ставшей для героини «судьбы ужасным приговором», говорится и в его стихотворении «О, как убийственно мы любим...» [Там же, с. 35].

В стихотворении А. Фета «Какое счастье: и ночь, и мы одни!...» описывается любовь-болезнь: «...Я болел, я влюблен; но, мучась и любя – // О слушай! о пойми! – я страсти не скрываю...» [17, с. 297]. Здесь же

возникает и взаимосвязь мотива любовной одержимости с концептом «несвободы»: «...Я тот же преданный, я раб твоей любви, // И старый яд цепей, отрадный и жестокий, // Еще горит в моей крови...» [Там же].

Появляются в творчестве поэтов-романтиков и образы персонажей, связанных с мистической ипостасью мотива одержимости. Так, в стихотворении П. А. Вяземского «Еще тройка» звук колокольчиков упряжки сравнивается с голосами нечистой силы: «Словно леший ведьме вторит // И аукается с ней...» [3, с. 212].

В стихотворении А. К. Толстого «Волки» мы находим образы ведьм-оборотней. Обороняющиеся селяне убивают вышедших на охоту девять волков, а утром вместо них находят «девять мертвых старух» [13, с. 211].

В стихотворении А. С. Пушкина «Бесы» появляются образы демонов-одержимых, сбивающих путников с дороги: «В поле бес нас водит, видно, // Да кружит по сторонам...» [11, с. 297].

Появляется в поэзии данного периода и мотив одержимости идеями.

К примеру, в стихотворении Д. В. Веневитинова «Сонет» герой одержим идеями творчества. Любовь к поэзии отождествляется здесь с любовью к женщине. Несмотря на понимание губительной разрушительности своего чувства, герой остается верен ему: «...Питомец твой тобою погибает // И, погибающий, тебя благословляет...» [2, с. 78].

В стихотворении А. С. Пушкина «Поэт» одержимость идеями творчества воссоздается через изменения, присущие личности героя в момент наступления одержимости: «Но лишь божественный глагол // До слуха чуткого коснется, // Душа поэта встрепенется, // Как пробудившийся орел...» [11, с. 179].

Практическое отсутствие мотива одержимости в поэзии реализма объясняется, прежде всего, характером самой системы реалистического мировоззрения. Тяготение к прозаической форме литературы отодвигает поэзию на периферию, а эпичность, свойственная произведениям писателей-реалистов, документальность и типизация в воссоздании окружающей действительности приводят к фактическому исчезновению мотива одержимости из поэтического творчества.

Дальнейшая эволюция и расцвет мотива одержимости происходит с приходом в русскую литературу модернистского мировосприятия, достигая пика развития уже в современной нам действительности, что подробнее раскрывается в статьях «Архетипический мотив одержимости в русской поэзии Серебряного века» [16], «Феномен одержимости в современной русской культуре» [19], «Архетипический мотив любовной одержимости в русской советской поэзии 60-90-х годов» [18] и др.

Несмотря на расширение семантического комплекса архетипа и влияние на него индивидуально-авторского начала, мы можем наблюдать в русской литературе рассматриваемого периода все те же формы реализации архетипа одержимости: мистическую и бытовую.

Мистическая одержимость передается через систему персонажей, изначально воплощающих в себе идею одержимости (образы ведьм, оборотней, бесов, демонов и т.д.).

Бытовая форма одержимости проявляется через художественное воспроизведение опыта эмоционального переживания этого состояния человеком (одержимость любовной страстью, одержимость идеями).

Мотив одержимости любовной страстью имеет ряд собственных модификаций, отраженных в следующих ассоциативных рядах:

- 1) любовь – боль, пытка, мука, смерть;
- 2) любовь – болезнь, безумие, сумасшествие;
- 3) любовь – неволя, несвобода;
- 4) любовь – ненависть;
- 5) любовь – проклятие, роковая любовь;
- 6) неправильная, запретная любовь (унизительная, обидная и т.д.).

Таким образом, в русской поэзии XVIII-XIX вв. происходит постепенное становление и развитие архетипического мотива одержимости. Вполне очевидно, что частотность использования и преобладание одной из форм художественной реализации явления одержимости в русской поэзии указанного периода в большей степени зависит от художественных и философских установок доминирующего направления.

Список литературы

1. **Боратынский Е. А.** Полное собрание сочинений и писем: в 3-х т. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 2. Ч. 1. 440 с.
2. **Веневитинов Д. В.** Полное собрание сочинений. М. – Л.: Academia, 1934. 547 с.
3. **Вяземский П. А.** Сочинения: в 2-х т. / сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. М. И. Гиллельсона. М.: Худож. лит., 1982. Т. 1. 462 с.
4. **Григорьев А.** Стихотворения. Поэмы. Драммы / подг. текста, сост., вступ. статья и примеч. Б. Ф. Егорова. СПб.: Академический проект, 2001. 760 с.
5. **Державин Г. Р.** Стихотворения. Серия «Библиотека поэта. Большая серия». Л.: Советский писатель, 1957. 470 с.
6. **Жуковский В. А.** Собрание сочинений: в 4-х т. М. – Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. Т. 1. 480 с.
7. **Капнист В. В.** Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1973. 616 с.
8. **Карамзин Н. М.** Стихотворения. Серия «Библиотека поэта. Большая серия». Л.: Советский писатель, 1966. 419 с.
9. **Кольцов А. В.** Стихотворения / сост., вступ. статья и примеч. В. Аникина. М.: Худож. лит., 1986. 223 с.
10. **Лермонтов М. Ю.** Сочинения: в 2-х т. / сост. и комм. И. С. Чистовой. М.: Правда, 1988. Т. 1. 720 с.
11. **Пушкин А. С.** Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: ГИХЛ, 1959. Т. 2. 784 с.
12. **Радищев А. Н.** Полное собрание сочинений: в 3-х т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1. 443 с.
13. **Толстой А. К.** Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Правда, 1969. Т. 1. 674 с.

14. Тредиаковский В. К. Избранные произведения. М. – Л.: Советский писатель, 1963. 571 с.
15. Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений. Письма: в 6-ти т. / сост. В. Н. Касаткина. М.: Издательский Центр «Классика», 2003. Т. 2. 640 с.
16. Файнова Л. П. Архетипический мотив одержимости в русской поэзии Серебряного века // Ломоносов: материалы XVII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Секция «Филология». М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 675-678.
17. Чудное мгновенье: любовная лирика русских поэтов: в 2-х кн. / сост. Л. Озерова. М.: Худож. лит., 1988. Кн. 1. 447 с.
18. Шарипова Л. П. Архетипический мотив любовной одержимости в русской советской поэзии 60-90-х годов // Современная филология: теория и практика: материалы XIII международной научно-практической конференции (г. Москва, 9 октября 2013 г.) / Науч.-инф. издательск. центр «Институт стратегических исследований». М.: Спецкнига, 2013. С. 162-166.
19. Шарипова Л. П. Феномен одержимости в современной русской культуре // Symbolic and Archetypic in Culture and Social Relations: Materials of the IV International Scientific Conference (March 5-6, 2014). Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2014. P. 75-80.

ARCHETYPAL MOTIVE OF OBSESSION IN THE RUSSIAN POETRY OF THE XVIII–XIX CENTURIES

Sharipova Lyubava Pavlovna
Kazan (Volga region) Federal University
luxetnox@list.ru

The article is devoted to investigating the archetypal motive of obsession in the Russian poetry of the XVIII-XIX centuries. The basic task of the research is an attempt to identify the place of the motive of obsession in the philosophical and historical context of the mentioned period, to observe its evolution and, relying on the results of literary analysis of the creative work of the representatives of different trends, to study and to classify the means for realization of a motive of obsession in the Russian poetry of the XVIII-XIX centuries.

Key words and phrases: archetypal motive of obsession; mystical obsession; obsession by an idea; obsession by venereal passion; poetry of classicism; poetry of sentimentalism; poetry of romanticism; poetry of realism.

УДК 372.882:37.035.6

Филологические науки

Статья раскрывает ценностный потенциал образов отечественной литературы, востребованный в условиях кризиса института семьи, разрушения традиционной гендерной морали и заимствования Россией гендерных стереотипов западной культуры. Основное внимание автор акцентирует на анализе национальной специфики мужских и женских образов русской литературы, имеющих прочные связи со всей русской культурной традицией, на глубине духовно-нравственных характеристик мужественности и женственности, которые могут рассматриваться как фактор поддержания гендерных норм и гендерного порядка в условиях развивающегося общества.

Ключевые слова и фразы: гендерное воспитание; семейные ценности; традиционная гендерная мораль; национальная идентичность; литература как вид искусства и предмет преподавания; национальные образы мужественности и женственности; народный духовный идеал.

Шевченко Ирина Юрьевна, к. филос. н.
Южно-Российский государственный политехнический университет
(Новочеркасский политехнический институт) имени М. И. Платова
i.u.shev@mail.ru

ОБРАЗЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАК ЦЕННОСТНАЯ ОСНОВА ГЕНДЕРНОГО ВОСПИТАНИЯ[©]

В современной России процессы социальной трансформации не только затронули все сферы материальной и духовной жизни, но и изменили систему ценностей и основанных на ней моделей индивидуального и коллективного поведения. Популяризация новых духовно-нравственных ориентиров внедряет в сознание россиян стремление к обогащению и праздному образу жизни, усиливает эгоизм, рационализм, прагматизм, индивидуализм, безразличие к другим членам общества. Эти изменения, представляющие собой импорт чужих культурных наработок, несут с собой не только приобщение к чему-то цивилизованному и передовому (достижения материально-технического прогресса), но и дегуманизацию общественных отношений, активизацию архаических социокультурных форм.